
ИЗ ПРОШЛОГО ФИЛОСОФИИ

К. А. ГЕЛЬВЕЦИЙ*

Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1974.

О ЧЕЛОВЕКЕ

РАЗДЕЛ VII

Добродетели и счастье народа – следствие не святости его религии, но мудрости его законов

Глава I. О НИЧТОЖНОМ ВЛИЯНИИ РЕЛИГИИ НА ДОБРОДЕТЕЛИ И СЧАСТЬЕ НАРОДОВ

Люди более благочестивые, чем просвещенные, выдумали, будто добродетели народов, их гуманность и мягкость их нравов зависят от чистоты их религии. Лицемеры, заинтересованные в распространении этого взгляда, опубликовали его, не веря в него. Большинство же людей поверило в него, не исследуя его.

Заблуждение это, будучи возведено, было почти повсюду принято как некая неизменная истина. Между тем опыт и история показывают нам, что благополучие народов зависит не от чистоты их религии, но от достоинств их законодательства.

Какое, действительно, значение имеют их верования? Религия евреев была чистой, а между тем евреи были отверженными среди народов. Их никогда не сравнивали ни с египтянами, ни с древними персами.

При Константине христианская религия стала господствующей, однако она не вернула римлянам их прежних добродетелей. В эту эпоху не появились ни Деции, способ-

* Выдающийся французский философ XVIII века.

ные пожертвовать собой для отечества, ни Фабриции, готовые предпочесть 7 акров земли всем богатствам государства.

Когда Константинополь стал клоакой всех пороков? В самый момент установления христианской религии. Культ ее не изменил нравов государей. Их набожность не сделала их лучшими. Наиболее христианские из королей не были наиболее великими. Немногие из них обнаружили на тропе добродетели таких государей, как Тит, Траян, Антонин. Какого набожного государя можно было бы сравнить с ними?

То, что я говорю о государях, я повторяю и о народах. Набожный португалец, невежественный и легковерный, не отличается большими добродетелями и гуманностью, чем англичанин с его меньшим легковерием и большей терпимостью.

Религиозная нетерпимость – дочь честолюбия духовенства и глупого легковерия. Она никогда не сделает людей лучшими. Обращаться к суеверию, легковерию и фанатизму, чтобы внушить людям дух добродетели, – все равно что подливать масла в огонь для того, чтобы его потушить.

Чтобы смягчить человеческую жестокость и сделать людей более общительными, следует сначала сделать их равнодушными к различиям культов. Если бы испанцы были менее суеверными, они были бы меньшими варварами по отношению к американцам.

Сошлемся в этом пункте на короля Якова. Государь этот был ханжой и знатоком вопросов этого рода. Он не верил в гуманность священников. «Очень трудно, – говорил он, – быть одновременно хорошим богословом и хорошим подданным».

Во всякой стране есть много верующих и мало добродетельных людей. Почему? Потому, что религия не есть добродетель. Верования и спекулятивные принципы не оказывают обыкновенно никакого влияния на поведение и добродетели людей¹. Учение о фатальности (предопреде-

¹ Один знаменитый автор, показав бесполезность католических проповедей, очень хорошо доказал этим бесполезность католической религии.

ленности) наших действий является общим почти для всего Востока; его принимали и стоики. То, что называют свободой или способностью принимать решение, является у человека, говорили они, лишь последовательно испытываемыми чувствами страха или надежды, когда нужно принять решение, от которого зависит счастье или несчастье этого человека. Таким образом, принятие решения есть у нас всегда необходимое следствие нашей ненависти к страданию и нашей любви к удовольствию. Обратимся по этому вопросу к богословам. Подобное учение, скажут они, пагубно для всякой добродетели. Между тем стоики были не менее добродетельны, чем сторонники других философских школ. Между тем турецкие государи не менее верно соблюдают заключенные ими договоры, чем католические государи; между тем персидский фаталист не менее честно торгует, чем христиане – француз или португалец. Таким образом, чистота нравов не зависит от чистоты догматов.

Языческая религия в части нравственности, как и всякая другая, основывалась на том, что называют естественным законом. Что касается ее теологической или мифологической части, то она была не очень назидательна. Нельзя, читая историю Юпитера, его любовных похождения и в особенности его обращения со своим отцом Сатурном, не сделать вывода, что боги не подавали примера добродетели. Однако в Греции и в Древнем Риме было немало героев и добродетельных граждан. А теперь современная Греция и новый Рим, подобно Бразилии и Мексике, порождают лишь низких, ленивых людей без дарований, лишенных добродетели и трудолюбия.

Со времени установления христианства в монархиях Европы государи не стали ни более мужественными, ни более просвещенными; народы не стали ни более образованными, ни более гуманными; число патриотов нигде не увеличилось. Спрашивается, какую же пользу приносит религия? Что за повод для властей мучить неверующих, вырезывать еретиков? Почему следует придавать такое значение вере в известные откровения, всегда возбуждав-

шие споры и часто столь спорные, если они имеют так мало значения для нравственности человеческих поступков?

Чему учит нас история религий? Что они повсюду раздували пламя нетерпимости, устилали равнины трупами, поили землю кровью, сжигали города, опустошали государства; но они никогда не делали людей лучшими. Добродетель людей есть дело закона.

Плотины сдерживают потоки; плотина наказания и презрения сдерживает пороки. Дело правителей – возвести эту плотину.

Если науки о нравственности, о политике и о законодательстве представляют собою одну и ту же науку, то кто должны быть истинными учителями нравственности? Священники? Нет, светские власти. Религия определяет нашу веру, а законы – наши нравы и добродетели.

Какой признак отделяет христианина от еврея, негра, мусульманина? Разве справедливость, мужество, гуманность, доброта свойственны одним из них и не известны другим? Их отличают различные вероисповедания. Поэтому никогда не следует смешивать добродетельного человека с человеком правоверным.

В любой стране правоверный человек есть человек, верующий в тот или иной религиозный догмат, а во всем мире добродетельный человек есть человек, совершающий гуманные и соответствующие общему интересу поступки.

Но наши поступки определяются законами, следовательно, законы же делают граждан хорошими.

Таким образом, добродетели и чистоту нравов народа следует объяснять не святостью религии. Продолжим дальше это исследование, и мы убедимся, что дух религии целиком разрушителен для духа законодательства.

Г л а в а II. О ДУХЕ РЕЛИГИИ, РАЗРУШИТЕЛЬНОМ ДЛЯ ДУХА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Повиновение законам есть основа всякого законодательства. Повиновение попу есть основа почти всех религий.

Если бы интересы попов могли совпадать с национальными интересами, то религии санкционировал бы всякий мудрый и гуманный закон. Но это предположение недопустимо. Интерес духовного сословия был повсюду обособленным и отличным от общественного интереса. Теократические правительства, начиная с иудейской теократии и кончая властью папы, всегда доводили до унижения народы, у которых они установились. Повсюду духовенство желало быть независимым от светской власти, и поэтому почти у всех народов были два высших и разрушительных друг для друга авторитета.

Праздное духовное сословие честолюбиво; оно желает быть богатым и могущественным и может стать таким, только лишив правителей их авторитета², а народы – их достоинства.

Чтобы присвоить его, духовенство положило в основу религии откровение и провозгласило себя его истолкователем. А кто является толкователем закона, тот изменяет его по своему произволу и с течением времени становится его автором. С того момента, когда попы берут на себя миссию возвещать волю неба, они уже больше не люди: это – божества. Верят в них, а не в бога. От его имени они могут требовать нарушения всякого закона, противоречащего их интересам, и уничтожения всякой власти, противящейся их планам.

Поэтому дух религии всегда был несовместим с духом законодательства³, и попы были всегда врагами светских

² Когда проектировалось уничтожение парламента во Франции, какую непристойную радость обнаружили парижские попы. Пусть эта радость откроет глаза правителям всех народов на ненависть духовной власти к светской. Духовенство порой как будто бы уважает ее в лице королей. Но это лишь в том случае, если последние покорны ему или если при помощи их оно повелевает закону.

³ Если меняются интересы попов, то меняются и их религиозные принципы. Сколько раз истолкователи откровения превращали добродетель в преступление и преступление в добродетель? Они причислили к лику блаженных убийцу одного короля. Какое же доверие может внушить к себе изменчивая нравственность богословов? Истинная нравственность черпает свои начала в разуме, в любви к общему благу, а подобные принципы остаются всегда одними и теми же.

правителей. Первые установили канонические законы, вторые – законы политические. При создании первых руководствовались духом господства и лжи; они были пагубны для мира. При создании вторых руководствовались в большей или меньшей мере духом справедливости и истины, поэтому они были более или менее выгодны для народов.

Если справедливость и истина – сестры, то действительно полезны лишь те законы, которые основываются на глубоком знании природы и истинных интересов человека. Всякий закон, в основе которого лежит ложь или какое-нибудь ложное откровение, всегда вреден. Не на такой основе станет просвещенный человек возводить здание принципов справедливости. Если турок позволяет выводить принципы справедливого и несправедливого из своего Корана и не допускает, чтобы их выводили из Вед, то это потому, что, будучи свободным от предрассудков по отношению к этой последней книге, он боялся бы дать шаткое основание для справедливости и добродетели. Он не хочет санкционировать их предписания ложными откровениями.

Зло, причиняемое религиями, реально, а добро – иллюзорно. Какую, действительно, пользу могут они принести? Их предписания либо противоречат, либо соответствуют естественному закону, т. е. закону, который просвещенный разум предписывает обществам в целях их наибольшего блага.

В первом случае следует отвергнуть предписания этой религии, ибо они противоречат общественному благу.

Во втором – их следует допустить. Но тогда для чего нужна религия, если она учит лишь тому, чему учат и без нее разум и здравый смысл?

Но, могут сказать, предписания разума, освященные откровением, кажутся от этого во всяком случае более достойными уважения. Да, в первый момент религиозного рвения. Тогда правила, которые считают истинными, ибо их считают плодом откровения, действуют сильнее на воображение. Но энтузиазм этот скоро проходит.

Из всех правил на умы действуют постоянно лишь те, истинность которых доказана. Так как откровение недостоверно и спорно, то благодаря этому оно не только не усиливает доказательства какого-нибудь нравственного принципа, но должно с течением времени затемнить его очевидность.

Истина и заблуждение – две разнородные вещи; они никогда не сливаются между собою. Кроме того, не все люди находятся под влиянием религии, не у всех людей есть вера, но все люди одушевлены желанием счастья и будут искать его повсюду, где законы покажут его.

Принципы, которые почитают потому, что они являются плодом откровения, менее всего устойчивы. Подвергающиеся ежедневно истолкованию попов, они столь же переменчивы, как интересы последних, и почти всегда противоречат общему интересу. Например, всякий народ желает, чтобы его государь был просвещенным. Духовенство, наоборот, желает, чтобы государь был невежественным. К чему только оно не прибегает для этого!

Лучше всякого анекдота этот дух духовенства рисует следующий факт, столь часто указываемый протестантами.

В одном большом королевстве надо было решить, какие книги можно позволить читать молодому принцу. По этому поводу собрали совет, на котором председательствовал духовник молодого принца. Сначала предложили «Декады» Тита Ливия с комментариями Макиавелли, «Дух законов», Монтеня, Вольтера и т. д. После того как произведения эти были одно за другим отвергнуты, поднялся наконец духовник-иезуит и сказал: «На днях я видел на столике принца катехизис и французскую поваренную книгу – это для него наиболее безопасное чтение».

Власть попов, как и власть царедворцев, всегда основывается на невежестве и глупости государя. Поэтому они прибегают ко всем средствам, чтобы сделать его глупым, недоступным для своих подданных и отбить у него охоту заниматься государственными делами.

Во времена царя Петра персидский шах Севах Гуссейн, которого его визири, попы и собственная лень убедили в том, что достоинство не позволяет ему заниматься государственными делами, поручил заботу о них своим любимцам. Через несколько лет шах был свергнут с престола.

Глава III. КАКОГО РОДА РЕЛИГИЯ БЫЛА БЫ ПОЛЕЗНОЙ?

Источником, порождающим наибольшее число общественных бедствий, является невежество. Добродетели граждан зависят от совершенства законов; совершенство законов зависит от прогресса человеческого разума. Чтобы быть добродетельным, надо быть просвещенным. Почему же древо познания продолжает оставаться деревом, плоды которого деспотизм и духовенство запрещают вкушать? Всякая религия, почитающая в людях нищету духа, – опасная религия. Благочестивое невежество папистов не делает их лучшими. Какая армия меньше всего опустошает страны, через которые она проходит? Набожная ли армия, армия крестоносцев? Нет, наиболее дисциплинированная армия.

Но если дисциплина, если страх перед генералом обуздывает распущенность войск и сдерживает при выполнении своих обязанностей молодых и пылких солдат, привыкших ежедневно рисковать жизнью в сражениях, то чего не может сделать с робкими горожанами страх перед законами?

Не церковные проклятия, а меч правосудия обезоруживает в городах злодея; палач сдерживает руку убийцы. Страх перед наказанием всесильен в лагере. Он может быть также всесильным в городах. В лагере он делает армию послушной и смелой, а в городах – граждан справедливыми и добродетельными. Иное приходится сказать о религиях. Папизм проповедует воздержанность. Однако в какие годы наблюдается меньше всего пьяниц? В те ли годы, когда произносят больше всего проповедей? Нет, в те, когда изготовляют меньше всего вина. Католицизм во все времена запрещал воровство, грабеж, насилие, человекоубийство

и т. д., а между тем во все самые религиозные века – IX, X, XI – Европа была населена исключительно разбойниками. Какова причина этого множества насилий и несправедливостей? Слишком слабая плотина, которую законы противопоставляли тогда злодеяниям. Единственным наказанием за крупное преступление был более или менее высокий штраф. За убийство рыцаря, барона, графа, легата платили столько-то или столько-то; наконец, даже убийство государя оценивалось по таксе⁴.

Дуэли долгое время были в моде в Европе, особенно во Франции. Религия запрещала их, и тем не менее поединки происходили ежедневно⁵. Роскошь впоследствии смягчила нравы французов. В качестве наказания против дуэлянтов была установлена смертная казнь. Во всяком случае, они почти все вынуждены покидать родину. И теперь дуэлей более нет.

Что обеспечивает теперь безопасность Парижа? Набожность ли его жителей? Нет, аккуратность и бдительность его полиции. В прошлом веке парижане были набожнее и были более склонны воровать.

Таким образом, добродетели являются плодом законодательства, а не религии. В качестве доказательства я сошлюсь на малое влияние, оказываемое нашими верованиями на наше поведение.

Глава IV. О ПАПИСТСКОЙ РЕЛИГИИ

Если бы люди были более последовательны, то религия папизма была бы более пагубной для государства. В этой религии безбрачие считается наиболее совершенным и наиболее угодным небу состоянием⁶. Поэтому всякий кий

⁴ См.: Юм. История Англии. Т. 1.

⁵ Преступления, не наказуемые законами, совершаются ежедневно. Можно ли найти более убедительное доказательство бесполезности религий?

⁶ Мир обязан тому, что он продолжает существовать, несовершенству, непоследовательности людей. Какое-то глухое недоверие противится часто пагубному применению религиозных принципов. Церковные законы похожи на торговый регламент. Если он неудачно составлен, то государство обязано своим богатством непослушанию купцов: их послушание разорило бы его.

верующий, если бы он был последовательным, должен был бы жить в безбрачии.

Так как, согласно этой религии, много званых и мало избранных, то всякая любящая мать должна была бы убить своих только что окрещенных детей, чтобы дать им возможность скорее и вернее наслаждаться вечным блаженством.

Какой смерти следует бояться, по уверениям проповедников этой религии? Непредвиденной смерти. Какая смерть желательна? Та, к которой мы подготовлены. А где найти эту смерть? Надо думать, на эшафоте. Но такая смерть предполагает преступление; значит, надо совершить его⁷.

Какое употребление следует сделать из своих денег, согласно этой религии? Отдать их монахам, с тем чтобы при помощи их молитв и обеден освободить душу из чистилища.

Предположим, что какого-нибудь несчастного в оковах собираются сжечь на костре. Какой гуманный человек не отдаст своих денег для его освобождения? Какой человек не почувствует себя вынужденным к этому чувством непроизвольного сострадания? Не меньшие обязанности должны у нас быть по отношению к душам, которым суждено гореть в течение ряда веков.

Всякий верный католик должен поэтому ограничивать себя во всякого рода расходах на предметы роскоши и на лишние вещи. Он должен питаться хлебом, плодами и овощами. Но сам-то епископ⁸ любит хороший стол, пьет отличные вина, ездит в крытых лаком каретах. Большая часть папистов носит вышитые платья и тратит больше на собак,

⁷ Подобный случай произошел 4–5 лет тому назад в Пруссии. Какой-то солдат, прослушав проповедь об опасности непредвиденной смерти, убил девушку. «Несчастный, – сказали ему, – что заставило тебя совершить это преступление?» «Желание попасть в рай, – ответил он. – Это убийство должно меня привести в тюрьму, из тюрьмы на эшафот, с эшафота на небо». Король, узнав об этом случае, запретил священникам произносить впредь подобные проповеди и даже провожать преступников до места казни.

⁸ Теперешнее безучастное отношение епископов к томлящимся в чистилище душам заставляет подозревать, что они сами не очень убеждены в существовании места, которого они никогда не видели. Странно, далее, то, что человек остается в чистилище больше или меньше времени в зависимости от того, имеет ли он больше или меньше денег, чтобы заставить служить обедни; странно, что деньги на том свете еще более полезны, чем на этом.

лошадей и экипажи, чем на обедни. Объясняется это тем, что в своем поведении они не следуют своим верованиям. Если признавать существование чистилища, то тот, кто подаст милостыню нищему, дурно употребляет свое богатство. Милостыню надо подавать не живым, а мертвым: деньги особенно необходимы последним.

В прежние времена люди, более чувствительные к страданиям покойников, делали больше завещаний в пользу церкви. Умирая, всякий оставлял ей часть своего имущества. Правда, эту жертву приносили лишь в тот момент, когда уже не было ни здоровья, чтобы наслаждаться удовольствиями, ни здравого смысла, чтобы противостоять нашептываниям монахов. Кроме того, монахов боялись и, может быть, давали больше из страха перед монахами, чем из любви к душам. Не будь этого страха, вера в чистилище не принесла бы таких богатств церкви. Таким образом, поведение людей и народов редко соответствует их верованиям и даже их спекулятивным принципам. Эти принципы почти всегда бесплодны.

Если установить самое нелепое учение, учение, из которого можно сделать самые ужасные выводы, но не изменить ничего в законах, то не происходит никаких перемен в нравах народа. Дурным делает меня не какое-нибудь ложное нравственное правило, но мой интерес быть дурным⁹. Я стану порочным, если законы отделяют мои интересы от общественных интересов, если я смогу найти свое счастье лишь в несчастье другого человека¹⁰; если при данной форме правления преступление вознаграждается, добродетель загнана, а порок занимает первое место.

Интерес есть семя, порождающее порок и добродетель. Ошибочные взгляды какого-нибудь писателя не могут уве-

⁹ Какой бы нелепый взгляд ни выдвинуть в нравственности, говорит Макиавелли, этим нельзя повредить обществу, если не поддерживать этого взгляда силой. Во всех науках мы приходим к источникам истины после ряда заблуждений. Действительно полезная вещь в нравственности – это поиски истины; действительно вредная – отсутствие этих поисков. Тот, кто проповедует невежество, – мошенник, желающий одурачить окружающих.

¹⁰ Человек есть враг, убийца почти всех животных. Почему? Потому, что его существование связано с их уничтожением.

личить числа воров в государстве. Учение иезуитов благоприятствовало воровству; это учение было осуждено светской властью; она должна была это сделать из соображений приличия, но она не заметила, чтобы само это учение увеличило число мошенников. Почему? Потому, что это учение не изменило законов; потому, что полиция была по-прежнему бдительной; потому, что преступников приговаривали к тем же самым наказаниям. Если исключить такие случаи, как голод, реформа и т. п., – одни и те же законы во все времена должны создавать почти одно и то же число преступников.

Предположим, что пожелали бы увеличить число воров; что нужно было бы сделать для этого?

Увеличить налоги и потребности народов;

заставить всех купцов путешествовать, имея при себе деньги;

держать меньше полицейской стражи на дорогах;

наконец, отменить наказания за воровство. Безнаказанность вскоре увеличила бы число преступлений.

Таким образом, пороки или добродетели граждан зависят не от истины какого-нибудь откровения и не от чистоты религии, а только от мудрости или нелепости законов¹¹. Истинно полезна та религия, которая заставляет людей учиться. Какие правительства являются наиболее совершенными? Те, у которых наиболее просвещенные подданные. Из всех примеров, способных доказать эту истину,

¹¹ Платон, несомненно, предвидел эту истину, когда он сказал: «Города и их граждане освободятся от своих бедствий тогда, когда философия и власть, соединенные в лице одного и того же человека, дадут добродетели победу над человеком». Руссо не придерживается этого взгляда. Впрочем, сколько бы он ни хвалил правдивость и чистосердечие диких и варварских народов, я не поверю ему на слово.

Остается фактом, говорит Юм («История Англии», т. 1), что англосаксы, как и все невежественные и разбойничьи народы, нарушали свои клятвы и лгали с бесстыдством, неизвестным цивилизованным народам.

Только разум, усовершенствованный опытом, может доказать народам их интерес быть справедливыми, гуманными и верными своим обещаниям. Суеверие в этом отношении не приводит к тем результатам, что разум. Наши набожные предки клялись на кресте и реликвиях соблюдать заключенные ими договоры и нарушали эти клятвы. Народы в настоящее время уже не гарантируют своих договоров подобными клятвами. Они пренебрегают этими ненадежными гарантиями.

наиболее подходящим является пример с государством иезуитов. Это в своем роде шедевр человеческого ума. Рассмотрим его устройство; из него мы сможем лучше узнать, какова власть законодательства над людьми.